

ЭЛИОТ СТАЙН

Перевод Дарьи Ивановской



ХРАНИТЕЛИ ЧУДЕС

Старинные обычаи,
великие традиции
и последние, кто
поддерживает
в них жизнь



Чудеса и красота,
которых, как оказалось,
нам не хватает.

THE WALL STREET JOURNAL



Элиот Стайн

**Хранители чудес.
Старинные обычаи, великие
традиции и последние, кто
поддерживает в них жизнь**

Издательство "Livebook/Гаятри"

2024

УДК 379.82
ББК 99.1

Стайн Э.

Хранители чудес. Старинные обычаи, великие традиции и последние, кто поддерживает в них жизнь / Э. Стайн —
Издательство "Livebook/Гаятри" , 2024

ISBN 978-5-907784-80-2

В этой необычной и увлекательной книге собраны самые удивительные профессии, редкие, почти исчезнувшие ремесла и обряды. Элиот Стайн объехал пять континентов и нашел их: хранителей невероятных древних знаний – настоящих чудаков, умеющих делать то, что не умеет уже никто. Среди них кулинарные гении Японии и Италии, не желающие раскрывать тайны своих восхитительных блюд; ремесленники Индии, создающие магические металлические зеркала; последние плакатисты Тайваня, рисующие киноафиши своими руками; пасечники Англии, знающие специальные слова для пчел; перуанские жители высокогорий, плетущие травяные мосты... Эта книга переносит нас сквозь пространство и время, чтобы показать, насколько удивительна, прекрасна и разнообразна культура. И как же это важно – быть причастным к тому, что передается из поколения в поколение, бережно и с любовью к людям.

УДК 379.82

ББК 99.1

ISBN 978-5-907784-80-2

© Стайн Э., 2024
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2024

Содержание

Введение	6
1. Живые библиотеки Южной Африки	9
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Элиот Стайн
Хранители чудес. Старинные обычаи,
великие традиции и последние,
кто поддерживает в них жизнь

Посвящается Юлиссе и Оливеру

Eliot Stein

CUSTODIANS OF WONDER

Ancient customs, profound traditions, and the last people keeping them alive

Copyright © 2024 by Eliot Stein

© Дарья Ивановская, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. Livebook Publishing LTD, 2026

Введение

С момента знакомства с Анной прошло всего несколько минут, но она уже крепко держала меня одной рукой за запястье, а второй похлопывала по щеке. Мне тогда было всего 22; я бесцельно бродил среди приземистых пастельных домишек итальянского острова Бурано и как раз увидел ее на крыльце – 90-летнюю женщину, рост – примерно метр пятьдесят, седые волосы собраны в пучок. Она посмотрела на меня туманным из-за тяжелой катаракты взглядом и спросила, не помогу ли я ей увидеть кое-что еще раз.

Анна проводила меня за полосатую занавеску, висевшую в проеме входной двери, в гостиную, где на стене, в рамках, мозаичной россыпью висело несколько белых картин. До меня даже не сразу дошло, что именно я увидел: каждое изображение состояло из тысяч микроскопических стежков, таких тонких и изящных, словно это была расшитая паутина. Я двигался вдоль стены, рассматривая каждую картину, а Анна шла рядом и просила описывать ей увиденное. Мое внимание привлек рыбак, как будто сплетенный из морской пены. Анна сказала, что это ее муж. Потом я описал ей изображение нескольких мостов, перекинутых через венецианские каналы, и подходящих к причалу гондольеров, чьи фигурки состояли из мелких плотных узелков.

Я никогда не видел ничего похожего на эти воздушные, затейливые творения, и Анна объяснила мне, что она была одной из последних наследниц невероятно сложного искусства плетения игольного кружева, известного только женщинам этого маленького острова, – «вышивания воздуха», как она его назвала. Более трехсот лет эта тщательно охраняемая техника позволяла создавать одни из самых ценных изделий в западном мире. Буранские кружева становились предметом гордости королевских особ, писк моды и желанной добычей международных контрабандистов. Но в первую очередь они были гордостью Бурано – как труд всей жизни удивительного безымянного сообщества нескольких женщин, подаривших миру нечто особенное и таким образом сформировавших образ острова. Постепенно ручной труд стал вытесняться механизированным, и по мере того, как женщин, продолжавших ремесло, становилось все меньше, нить распутывалась, и в итоге осталось всего несколько человек, в том числе и Анна, – мечтающих, чтобы те, кто переживет их, смогли видеть и помнить, чем когда-то славился остров Бурано.

Эта случайная встреча вдохновила меня написать самый первый рассказ о путешествиях, а заодно пробудила во мне симпатию и почтение к таким последним хранителям, и эти чувства все еще ведут меня даже спустя семнадцать лет. Мы так часто слышим о людях, которые сделали что-то впервые – о новаторах, первопроходцах, о тех, кто двигает нас вперед. Однако редко кто хотя бы шепотом скажет о последнем носителе традиций или сделает паузу, чтобы оглянуться и подумать, как эти традиции повлияли на нас и на те места, откуда мы родом. Наоборот – многие восхитительные, необычные, хрупкие творения погибают тихой смертью, и лишь после их исчезновения мы осознаем, что именно утратили. И я не могу отделаться от ощущения, что мы в долгу перед этими стареющими мастерами, угасающими ремеслами, простыми движениями. Один человек, о котором я расскажу на страницах этой книги, после встречи с пожилым мастером, спасшим древнее ремесло от исчезновения, сказал следующее: «Этот человек заслуживает почестей, и, если вы намерены их оказать, сделайте это, пока он еще жив».

В настоящее время я работаю журналистом на Би-би-си и последние семь лет по большей части посвятил рассказам о замечательных людях со всего мира, являющихся хранителями собственных культурных чудес, каждое из которых иначе попросту исчезло бы. Возможно, я выбрал странный способ осмысления мира, но именно он стал для меня самым щедрым и смиренным учителем, причем лучшим из возможных. Эти хранители доверили мне не только свои

истории – они показали свой путь, поделились сокровенными радостями и бедами и рассказали, что вдохновляет их продолжать свой труд. Заодно они напомнили мне, что путешествия – это лучшая тренировка любознательности и что мир гораздо богаче, чем мы порой о нем думаем.

В этой книге я расскажу о десяти самых редких и поразительных чудесах культуры, находящихся на грани исчезновения, от имени последних из ныне живущих людей, их сохранивших. Вы посетите пять континентов, увидите более десятка ремесленников, хранителей и защитников, несмотря ни на что поддерживающих эти традиции. Например, в Италии вы найдете одинокую женщину, проживающую в отдаленном городишке, прилепившемся на склоне горы, которая готовит единственную в своем роде пасту. В Перуанском нагорье вы встретитесь с последним строителем инкских мостов, который из года в год, балансируя над крутым ущельем, подплывает траву в последний из подвесных мостов инков. На юге Индии вы познакомитесь с обширной семьей алхимиков, хранящих формулу создания редкого и загадочного металлического зеркала, которое, как считается, способно показать вашу истинную суть. В эпоху, когда все, казалось бы, уже изучено и объяснено, когда цинизм затмевает любознательность и способность удивляться, такие хранители культуры напоминают нам, как много вокруг осталось неизведанного, и приглашают заново влюбиться в этот мир.

Скорее всего, вы ни разу не слышали ни о людях со страниц этой книги, ни об их роде занятий. О них не слагают песни, им не вручают награды, это почти никому неизвестные люди, живущие своей простой жизнью. Однако их необычные занятия раскрывают глубинную и малоизвестную правду об уникальности мест, где они обитают. Моя книга не об особой пасте, которую вы, возможно, никогда не попробуете, не о мосте, по которому вы никогда не пройдете, и не о таинственном зеркале, в которое вы никогда не заглянете. Она о важности невероятных вещей, о существовании которых вы, скорее всего, даже и не подозревали, о причинах, по которым мастера не бросают свое занятие, о том, что происходит, когда угасают уникальные традиции и ремесла, делающие нас теми, кем мы являемся. В первую очередь эта книга – ода искусности, творческой фантазии и самоотдаче, признание в любви тем людям, местам и практикам, которые делают наш мир поистине удивительным.

Если уж пандемия коронавируса и обнажила какую-то правду, то это правда о нашей взаимосвязанности, о том, как поступки одного человека влияют на целое сообщество, и о том, как пожилые люди, рабочий класс и все те, у кого нет никакой подстраховки, оказываются в наиболее уязвимом положении. Неудивительно, что большинство историй из моей книги посвящены как раз этой теме. Например, когда из-за карантинных ограничений всем пришлось сидеть по домам, оказалось, что последнему в Скандинавии ночному дозорному попросту некого охранять. Когда по всей Кубе начали закрываться фабрики по производству сигар, сигарные лекторы остались практически без аудитории. А когда на Тайване случился коллапс в индустрии кинотеатров, последние художники-плакатысты Азии чуть не потеряли работу. Каждая из этих некогда востребованных профессий еще до пандемии была на грани исчезновения, а реальность последних лет только подчеркнула необходимость рассказать о них.

Обстоятельства пандемии не только усилили чувство коллективной взаимосвязи, но также вынесли на поверхность необратимые последствия глобализации. Когда локальность уступает интернациональности, теряются те самые особые пережитки и рудименты, которые делают наш мир столь восхитительно разнообразным, – и такая всемирная «гомогенизация» как раз происходит на наших глазах. Ежегодно исчезает девять языков мира. Ожидается, что к 2080 году это число вырастет до шестнадцати, и, если мы ничего не предпримем для сдерживания такого лингвистического вымирания, в ближайшие лет сто количество языков на нашей планете сократится вдвое¹. К 2030 году примерно 8,5 % живой рабочей силы заменят

¹ (Conservancy 2020)

роботы². Почти три тысячи испанских деревень с большой степенью вероятности станут поселениями-призраками³, в 2,5 тысячах населенных пунктов количество населения неуклонно падает⁴, а по всей Японии к 2040 году, по предварительным прогнозам, 896 городов и деревень станут нежизнеспособными, поскольку молодежь перебирается в крупные города ради высоких зарплат – бывший министр внутренних дел Хироя Масуда назвал этот феномен «локальным вымиранием»⁵.

Эти обстоятельства не сулят ничего хорошего тем, кто отправляется в путешествия ради восхищения неизведанным, ради познания безграничных глубин влияния природной среды на человеческое самовыражение. Не радуют они и последних редких мастеров, хранящих знания, которых иначе ждет полное забвение. Во многих смыслах такие хранители стоят ближе всех к мудрецам человечества. И хотя культура постоянно развивается и самовоспроизводится, с исчезновением подобных людей и ремесел исчезнет не что иное, как причудливая и многообразная душа мира.

И наконец, есть еще одна причина, по которой я чувствую себя обязанным поделиться этими историями именно сейчас. Рассказывать о людях со всего мира, для которых главная мечта – передать своим сыну или дочери традицию, которой они посвятили всю жизнь, меня вдохновило известие, что я сам скоро стану отцом. Я не смогу научить своего сына сплетать траву в прочные, как сталь, узлы или складывать и растягивать тесто для того, чтобы сделать 256 идеально ровных и тонких, как игла, макаронин. Но я надеюсь, что оставлю ему некий стимул поворачиваться вслед за солнцем, осмеливаться слушать и развивать способность удивляться, а также с любопытством смотреть на необыкновенный мир, в котором мы живем.

Расстояния между нами становятся все меньше, различия стираются, и я не могу перестать думать о том, что нам стоило бы многому поучиться у этих хранителей и мастеров. Все вместе они напоминают нам, что культура формируется медленно и постепенно, что она складывается из крошечных личных проявлений, и когда одно незначительное, казалось бы, чудо исчезает, вместе с ним уходит и невосполнимая часть нашей человечности.

² (Cooper 2019)

³ (Local 2019)

⁴ (Combs 2020)

⁵ (Johnston 2015)

1. Живые библиотеки Южной Африки

В старых деревнях, в глубинке, до сих пор можно встретить мужчин, называемых гриотами, которые по сути являются живыми ходячими архивами устного фольклора... Со времен древних предков вся Черная Африка передавала устные хроники именно таким способом... и среди гриотов были даже такие легендарные личности, которые могли трое суток подряд пересказывать историю Африки, ни разу не повторившись в своем повествовании.
Алекс Хейли, «Корни»

Когда Балла Койате впервые попал в США, он был в полном замешательстве. Его старшая сестра Каниба, известная в Южной Африке певица, получила приглашение выступить в Нью-Йорке. Из их семьи никто раньше не бывал в Штатах и не знал ни слова по-английски, так что Каниба попросила 27-летнего брата ее сопровождать, и летом 2000 года они оказались в Нью-Йорке, куда летели с несколькими пересадками из родного малийского Бамако. Когда после двадцатичасового путешествия они с сестрой приземлились в аэропорту Кеннеди, Балла хотел только одного – курить. Он дождался багажа, вышел на улицу, достал из кармана «Dunhill», потянулся было за зажигалкой, и тут к нему подошел незнакомец. Ни единого слова из речи этого парня Балла не понял, но в итоге сообразил, что тот просит сигарету – его сигарету. Балла ошарашенно разглядывал мужчину. О США он до этого слышал только одно: стоит туда приехать, как сразу же разбогатеешь. На деле же, едва получив трехмесячную визу, Балла раздал все свои пожитки – телевизор, мотоцикл, кровать, вообще все вещи, кроме одежды, которая теперь лежала у него в чемодане, и балафона, – с уверенностью, что они ему больше не понадобятся. Так почему какой-то чужак стреляет у него курево? Балла отдал незнакомцу всю пачку и поспешил увести сестру обратно в здание аэропорта, чтобы там попросить помощи по-французски. Он думал, что это еще один пересадочный пункт. Не может быть, чтобы они уже находились в Штатах.

Балла и Каниба остановились с еще тремя малийскими музыкантами в тесной квартире в Бронксе, где ему пришлось спать на диванчике. По-английски Балла знал только «привет» и первую неделю жизни в Бронксе здоровался со всеми, кого встречал на улице. Дома, в Бамако, так было принято – приветствовать и знакомых, и незнакомых людей, но в этом новом и странном месте, похоже, действовали другие правила.

– На меня смотрели, как на сумасшедшего, который от всех чего-то хочет. Я испытал культурный шок во многих смыслах, – признается Балла с характерной мягкой артикуляцией носителя языка мандинка.

Когда у Канибы закончились концерты, она решила ехать обратно. Жить в США оказалось сложно, да и по дому она скучала. Балла тоже хотел вернуться, но один из соседей-музыкантов убедил его остаться. Сосед сказал, что во всей Америке вряд ли найдется еще человек, играющий на балафоне, и уж тем более – такой, как он. Балла понимал, что если хочет самостоятельно добиться чего-нибудь, то это – его шанс, нужно только найти источник дохода.

Другой сосед Баллы устроил его на работу на манхэттенскую автомойку. В первый же рабочий день Балла встретил еще одного сотрудника-малийца и когда подошел знакомиться, тот от неожиданности чуть не уронил ведро с водой. «Ты как вообще сюда попал?» – спросил малиец. Балла объяснил, что хочет сделать музыкальную карьеру в Америке. Спустя несколько недель, когда сарафанное радио разнесло, что Балла живет в Нью-Йорке, его пригласили выступить на свадьбе одной пары из Западной Африки. Только вот Балла не знал, как сказать боссу, что ему нужен выходной, поэтому попросил сотрудника-малийца перевести его просьбу. Тот

объяснил молодому белому менеджеру, что Балла будет выступать на торжественной церемонии.

– Сэр, он играет на балафоне, – сказал малиец.

– На чем играет? – переспросил менеджер. – Слушай, мне плевать. Скажи, что если не выйдет на смену, то я его уволю.

Что, собственно, и произошло.

Спустя некоторое время знакомая певица из Западной Африки намекнула Балле, что в один минимаркет требуется работник, только магазинчик располагался в городке под названием Олбани, штат Нью-Йорк. Так что, когда наступила осень, Балла наскреб по сусекам на дешевый автобусный билет в одну сторону и устроился на должность грузчика-кладовщика. Он никогда в жизни так не мерз, как в то время; ночью он спал на голом матрасе в проходной комнате прямо над магазином, натянув на себя три пары штанов и прижав к себе под одеялом балафон. Но когда Балла звонил родителям в Мали, он ни разу не признался, насколько ему холодно и одиноко. И даже спустя 20 лет у него в ушах звучали слова, которыми его отец заканчивал каждую их междугороднюю беседу: «Балла, помни, ты – Койате. Ты – джели. Занимайся чем угодно, но не позволяй умереть этой традиции».

Почти 800 лет назад Сундиата Кейта основал одно из крупнейших и величайших царств в истории Африки – империю Мали. Вскоре после этого он назначил специального человека по имени Балла Фассеке (прямого предка нашего Баллы, в честь которого его и называли) хранителем священного инструмента под названием «балафон». «Прадедушка» ксилофона и маримбы, балафон состоит из двадцати одной специально вырезанной деревянной дощечки; они имеют разную длину и особым образом закрепляются над полыми резонаторами из высушенной тыквы-горлянки. По этим дощечкам бьют молоточками с наконечниками из смолы и сока каучукового дерева. Задача Фассеке заключалась не только в том, чтобы играть на балафоне, но и в том, чтобы быть хранителем истории империи и передавать ее публике во время игры.

С тех времен и по сей день мужчины двадцати семи поколений рода Койате учились владеть балафоном и быть живыми историческими архивами, в которых собраны древние сказания, культура и традиции народа манде, живущего в Мали и Гвинее, а также еще восьми народностей Западной Африки. В книге Алекса Хейли «Корни»⁶ можно как раз прочесть об этой традиции и о людях, которых называют гриотами. Но в западноафриканском языке мандинка для них есть другое название – джели. Слово «джели» означает кровь: точно так же, как человек не может жить без крови, народ манде не может жить без джели. Право стать джели определяется по рождению, так что долгие века эти древние барды с балафонами выступали в равной степени и историками, и певцами-восхвалителями, и послами своих царей и народов. Они хранили и передавали национальный эпос, с энциклопедической точностью запоминали генеалогические древа, даты рождений и смертей, объявляли о важных событиях в семьях и устраивали браки излишне застенчивых пар.

Примечательно, что самый первый балафон, который Кейта (чаще его называют просто Сундиата) подарил Фассеке более 800 лет назад, сохранился до наших дней. Он носит имя Соссо-Бала, и держат его в специальной круглой глинобитной хижине в Ньягасоле, гвинейской деревне с населением в 150 человек, где нет ни водопровода, ни электричества. Все современные балафоны сделаны по образу и подобию этого инструмента, а оригинал разрешается выносить из деревни исключительно на голове его официального хранителя – балатигуи. Его выносят из хижины всего раз в год для ритуального исполнения во время праздника Ид-аль-

⁶ В книге Хейли описывает, как отправляется в путешествие вверх по реке Гамбия в деревню Джуффуре, узнав, что гриоты могут помочь ему в составлении родословной. Там, по его словам, он встретил гриота, который смог проследить родословную Хейли до его предка Кунта Кинте, чья семья жила в Малийской империи.

Адха⁷, и играет на нем только балатигуи. Последние 24 года официальным хранителем Соссо-Бала был отец Баллы – Хаджи Секу Койате, – но он умер в возрасте девяноста лет вскоре после моего знакомства с Баллой, и почетная обязанность перешла к старшему из дядьев Баллы. Настанет день, когда и сам Балла должен будет занять это место.

В 2001 году ЮНЕСКО внесло Соссо-Бала в Список нематериального культурного всемирного наследия. Из представленных в этом списке 678 мировых традиций, практик и прочих нематериальных ценностей человечества – куда входит и аргентинское танго, и китайская каллиграфия, и индийская йога – Соссо-Бала является единственной традицией, поддержание которой осуществляется силами всего одной семьи⁸. Когда ЮНЕСКО пополнился этим обновлением, сам Балла был нелегальным мигрантом, жил в Олбани, изо дня в день таскал с грузовиков консервы и ночами потихоньку играл на балафоне в комнатухе над магазином, аккуратно касаясь дощечек пальцами, чтобы не разбудить соседей.

Балла все еще живет в Штатах, но ситуация радикально поменялась. Ему 49, он востребованный музыкант, принял участие в записи более 45 альбомов, в том числе двух пластинок Йо-Йо Ма, получивших «Грэмми». Записи его музыки хранятся в Библиотеке Конгресса, он выступал в Кеннеди-центре, в Линкольн-центре и в Карнеги-холле, проводил мастер-классы в Гарварде, Массачусетском технологическом институте и в Консерватории Новой Англии, где преподает курс музыкальной импровизации. В 2019 году он стал стипендиатом Национального фонда искусств, что является высшей правительственной наградой США в области народного и традиционного искусства. И хотя в Мали и Гвинее новость об этой награде приняли с большим энтузиазмом, в Штатах о его семье и удивительном наследии практически никто не писал.

И так случилось, что в январе 2022 года, после недельных поисков, – пройдя информационный квест от императора тринадцатого века до Медфорда, штат Массачусетс, через Ньягассолу, Гвинею, – я отправил совершенно незнакомому человеку исполненное надежды электронное письмо, в котором спрашивал, не согласится ли он со мной встретиться, рассказать историю своей семьи и сопроводить меня туда, откуда все началось. Я нажал «отправить», и через полчаса мне позвонили с неизвестного номера. Это оказался Балла, и первыми его словами были «я ждал этого письма более двадцати лет».

Тогда я еще не знал, что у Баллы большое горе. За три месяца до нашего разговора умерла от рака его жена Крис, оставив Баллу одного заботиться о пятнадцатилетнем сыне и дочери на год младше. Балла рассказывал, что Крис была не просто партнером: она стала его главной опорой, стержнем, на котором все держалось. Она сыграла важную роль в его успехе. Именно Крис заполняла все заявки на гранты, находила ему преподавательские места и в 2007 году организовала ему звукозапись первого альбома в студии в Гарварде, где сама работала техником. В 2017 году Балла, Крис и дети совершили первое и единственное семейное путешествие в Бамако и Ньягассолу – Балла хотел показать им, где вырос, и познакомить с родственниками. Именно в этой поездке Крис заметила, насколько сильно Балла любит музицировать вместе с братьями, и предложила ему записать семейный альбом. Когда я приезжал к Балле в Медфорд, он как раз заканчивал работу над этим проектом, который готовил пять лет и посвятил своей почившей супруге. Участие в нем приняли не только родные и двоюродные братья Баллы, но также его родившиеся в Америке дети – они исполнили бэк-вокальные партии на языке мандинка.

Через десять дней я вместе с Баллой и его детьми пустился в путешествие по Мали и Гвинее, в которое он планировал отправиться после смерти Крис. По его словам, это был шанс вернуться домой, исцелиться, напомнить детям об их корнях. И по пути я понял, что мне важно

⁷ Соответствует Курбан-Байраму. – *Здесь и далее примеч. пер.*

⁸ Мне пришлось по одной перебрать 678 записей и прибегнуть к помощи администратора проектов ЮНЕСКО Джульетт Хопкинс, чтобы это подтвердить.

разобраться, как именно этой восьмивековой традиции удалось сохраниться. Я хотел познакомиться с нынешним балатиуги и попросить разрешения стать одним из первых иностранных журналистов, увидевших Соссо-Бала своими глазами.



В 1216 году к трону западноафриканского правителя Наре Маганна Конате подошли двое охотников. С ними явилась горбунья по имени Соголон Конде, и уверенно остановив на ней свой взгляд, мандинкский монарх ахнул от неожиданности. Дело было в том, что ее прибытие предсказал королевский джели Балла Фассеке: он сказал Конате, что, если тот возьмет в жены непривлекательную женщину, она родит величайшего из правителей, которых только знала земля. У Конате уже были жена и сын, но помня пророчество Фассеке, он сделал Соголон своей второй супругой, и уже на следующий год она родила мальчика. Ребенка назвали Сундиата, хотя впоследствии он стал известен под другим именем – Мари Диата, что означало «Король Лев». Говорят, что именно история Сундиаты послужила основой для диснеевского мультфильма⁹.

Все это описывает знаменитый «Эпос о Сундиате»¹⁰, который с тринадцатого века передавался из поколения в поколение в династии джели. Принц Сундиата родился на руинах великой западноафриканской цивилизации, империи Гана, находившейся на территории современной Мавритании и Мали. К тому времени, когда ко двору народа мандинка явилась вышеупомянутая горбунья, от империи осталась лишь горстка разрозненных и воюющих между собой феодалов. Несмотря на великое пророчество Фассеке, принц Сундиата родился слабым и в детстве даже не мог ходить, из-за чего мачеха и сводный брат его постоянно высмеивали. Конате умер, когда Сундиате было всего семь лет, и, хотя король желал видеть своим преемником именно Сундиату, на трон все равно влез его брат. Из соображений безопасности мать Сундиаты бежала вместе с юным принцем в соседнее царство искать убежища, и вскоре, вооружившись железным посохом, Сундиата сделал первые героические шаги.

Сундиата рос и постепенно не только стал великим охотником, как отец, но и обрел огромную силу и даже, по слухам, мог выдернуть с корнем целый баобаб. А сила эта ему вскоре пригодилась: пока Сундиата с матерью жили в изгнании, правитель соседнего народа, соссо, злой «Король-Колдун» Сумангуру Кваннте захватил бывшую столицу Ганы и напал на земли манде. Сумангуру был невероятно жесток: в преданиях джели говорится, будто он хранил головы всех восьми побежденных царей, а их кожу пустил себе на туфли. Брат Сундиаты испугался Сумангуру и вместо того чтобы вступить в бой, попросту бежал, бросив народ мандинка на произвол судьбы, так что в итоге людям пришлось воззвать к принцу-изгнаннику, чтобы он избавил их от гнета Сумангуру. Сундиата поклялся защищать родные земли, а когда оставил чужбину и объединил народы манде для борьбы против войск Сумангуру, у Фассеке случилось второе видение.

Однажды ночью Фассеке приснилось, будто некий джинн подарил Сумангуру волшебный молоточек, и чтобы народ мандинка смог победить злого короля, Фассеке должен заполнить этот молоточек. На следующий день он отправился на поиски Сумангуру. Войдя в покои короля соссо, Фассеке не обнаружил там правителя, но зато заметил некий ударный инстру-

⁹ (Jackson 2019)

¹⁰ Единой версии Эпоса о Сундиате не существует, и его подробности зависят от конкретных джели, географии повествования и аудитории. «Усредненную» версию устного эпоса принято приписывать Д. Т. Ньяне, а мое сжатое изложение его сюжета опирается на его английский перевод 1965 года и дополнено деталями, рассказанными мне лично одним из величайших живых джели Мали, Алие Диабате.

мент и принялся тихонько по нему постукивать. Когда же Сумангуру вернулся и застал незваного гостя у балафона, он был так поражен нежной мелодией, что сразу же предложил Фассеке стать его джели. Фассеке вспомнил свой сон и согласился, однако сообщил злому королю, что неизменно предан народу мандинка, произнеся при этом слова «ко ян тэ», что означало «между нами существует тайная и невыразимая связь». С этого момента верный мандинкский джели стал известен под именем Балла Фассеке Койате, и с тех пор все его потомки носят эту фамилию¹¹.

Объединенные силы народов манде под руководством Сундиаты разбили армию сосо, возглавляемую Сумангуру, в битве при Крине в 1235 году, в результате чего Сундиата стал первым правителем империи Мали в возрасте всего 18 лет. Он забрал себе мифический балафон Сумангуру, Сосо-Бала, в качестве военного трофея, и назначил Фассеке Койате своим придворным джели, каким тот и был при его отце. Сундиата попросил Фассеке Койате оберегать священный инструмент, а также выразил желание, чтобы все его потомки служили хранителями культуры и памяти империи.

Спустя 800 лет та самая невыразимая связь, которая существовала между Кейта и служившими им Койате, никуда не исчезла. Я впервые ощутил ее, когда мы с Баллой встретились на Манхэттене в представительстве Мали при ООН, чтобы оформить визы мне и его детям. Регистратор назвала свое имя – Мириам Кейта – и Балла тут же начал захватывающий монолог на языке мандинка, пересказывая Эпос о Сундиате, сообщая, как предки регистратора из северного Мали мигрировали на юг и припоминая всю историю своей семьи за восемь веков. Когда Балла, окруженный собравшейся толпой малийских слушателей, закончил, та девушка повернулась ко мне и сказала: «Вам очень повезло, что вы знакомы с этим человеком. В нашей культуре принято считать, что, когда умирает джели, вместе с ним умирает целая библиотека знаний».

Почти все, что мы сегодня знаем о настоящем африканском Короле Льве и о древней истории Мали, исходит именно от этой непрерывной цепочки историков-джели, передающих свои повествования из уст в уста, а для многих жителей Западной Африки Сундиата до сих пор остается полумифической фигурой. Считается, что помимо объединения народов манде (среди которых мандинка, или, как их еще называют, малинке, – самая многочисленная группа), Сундиата также создал одну из первых в мире хартий о правах человека – устную конституцию, известную как Курукан-Фуга, она же Хартия Манден. Среди прочего, в ней говорится о мире внутри многообразной нации, о продовольственной безопасности, образовании и свободе слова¹². Сундиата правил империей скорее как многонациональной федерацией, избегая установления авторитарного режима, причем каждое из двенадцати объединенных им племен имело равное представительство при дворе. Его модель правления оказалась настолько успешной, что не только положила начало одному из самых продолжительных периодов мира между некогда враждовавшими кланами внутренних районов Западной Африки, но и позволила Мали во многом превзойти Гану и стать одной из крупнейших и богатейших цивилизаций в истории материка.

– По своим размерам, влиянию и богатству Мали была величайшей империей Западной Африки, – говорит Кевин Макдональд, 30 лет проработавший в Мали археологом и сейчас занимающий пост директора колледжа при Лондонском институте археологии. – От предыдущих империй Мали принципиально отличается система правления. Вместо того чтобы ради контроля постоянно объединять и запугивать разные этнические группы, к периоду своей «зрелости» монарх сделал империю Мали государством, организованным по принципу территориальных сообществ, управляемых так называемыми маса. Центральная власть была актив-

¹¹ Интервью с Алие Диабате.

¹² (UNESCO 2009)

ным координатором, а регионы и территориальные образования были в большей степени интегрированы в империю.

Согласно Макдональду, на пике своего расцвета, примерно к 1300 году, империя Мали простиралась почти на две тысячи километров с запада на восток – от побережья Сенегала через территории современной Гамбии, Гвинеи-Бисау, Гинеи, южной Мавритании, Кот-д'Ивуара, северной Ганы, Мали, северной части Буркина-Фасо, западного Нигера и северо-западной Нигерии, – занимая площадь, примерно равную нынешней Западной Европе. Как прежде Гана, империя обогащалась за счет налогообложения купцов из народности амазигов (их иногда оскорбительно называют берберами), которые по этим землям шли на юг торговым маршрутом через Сахару, меняя соль на золото. Но в отличие от Ганы, чьи границы пролегали между северными соляными месторождениями и южными золотыми рудниками, империя Мали стала стратегически контролировать и соль, и золото. На протяжении всего Средневековья Мали была крупнейшим в мире поставщиком золота¹³. Благодаря неумемному аппетиту Северной Америки и Средиземноморья в отношении этого металла, из которого можно делать ювелирные украшения, изготавливать декор для мечетей и церквей и чеканить монеты, чтобы оплачивать армию, торговцы-амазиги толпами шли через песчаные дюны Сахары, отправляясь ради добычи золота в многомесячные путешествия на верблюдах. К 1230-м годам империя Мали стала одним из богатейших государств в истории¹⁴.

Однако поражает, что об ослепительной и процветающей империи Мали в период расцвета ее могущества внешний мир знал крайне мало – и сегодня ученые знают ненамного больше. Помимо огромного расстояния, отделявшего Мали от ее основных торговых партнеров в Северной Африке, империя, как считается, славилась своей скрытностью. Высокоорганизованные вооруженные силы тщательно охраняли караванные пути, не допуская, чтобы торговцы, пересекая границу, отходили слишком далеко от санкционированных государством мест для торговли и увлекались осмотром достопримечательностей¹⁵. Именно потому, что история империи окутана завесой тайны, а также по той причине, что лишь немногие иностранцы могли путешествовать по этой стране, устные предания, передаваемые джели внутри империи, имеют такую ценность.

Поскольку письменная история коренных народов этого региона практически отсутствует, источников знаний об империи, помимо рассказов джели, довольно мало. Один из них – тунисский интеллектуал Ибн Халдун; он никогда не посещал Мали, но беседовал со многими, кто там бывал, и по их свидетельствам написал историческую книгу о Северной и Западной Африке «Китаб аль-Ибар». Два других источника – западноафриканские хроники «Тарих аль-Фатташ» и «Тарих аль-Судан», написанные уже через сотни лет после падения империи. В результате если сегодня остановить любого человека на улице за пределами Западной Африки и спросить его, слышал ли он когда-нибудь об империи Мали, он сможет смутно вспомнить только две вещи: город Тимбукту и императора Мансу Мусу – как самого богатого человека в истории и как того, кто в буквальном смысле нанес империю Мали на карту мира.

Муса был десятым императором Мали, и во время его 25-летнего правления с 1312 по 1337 год империя достигла пика своего могущества. Он развил торговые пути, увеличил территорию государства и присоединил 24 города, включая Тимбукту. По мере расширения империи росло и богатство Мусы. По данным Британского музея, во время правления Мусы почти половина золота поступала в Старый Свет именно из империи Мали, и всем этим золотом владел Муса. Би-би-си назвало его богатство «неописуемым», а по некоторым оценкам, его

¹³ (Bennison 2015)

¹⁴ (Baxter 2000, «величайший исследователь» Африки)

¹⁵ (Battuta 1929)

чистая стоимость составляет от 400 до 500 миллиардов долларов¹⁶ – примерно вдвое больше, чем у Илона Маска, самого богатого человека в мире на сегодняшний день¹⁷. Однако Муса не просто хотел, чтобы империя Мали была богата, он хотел, чтобы ее признавали и уважали во всем мусульманском мире.

Хотя ислам еще в VIII веке достиг Африки к югу от Сахары через арабских торговцев из Северной Африки, у правителей Мали эта религия прижилась только к 1300 году¹⁸. В результате, хотя империя и контролировала прибыльные торговые пути между Сахарой и Мали, торговые партнеры из Северной Африки по-прежнему считали ее землей далекой и «отсталой». Кроме того, империя оставалась относительно неизвестной внешнему миру. Муса, правоверный мусульманин, хотел это изменить, поэтому отправился в величайший в истории хадж – частично паломничество, частично рекламную кампанию – в Мекку, чтобы продемонстрировать богатство его государства и ослепить исламский мир.

В 1324 году Муса со свитой из 60 тысяч чиновников, солдат, рабов и джели отправился через Сахару в путешествие длиной в шесть с половиной тысяч километров. По словам арабских писателей, караван его был задрапирован в персидские шелка, путники опирались на золотые посохи, а сто верблюдов тащили по триста фунтов (примерно 136 килограммов) чистого золота. Через пустыню двигался позолоченный, сияющий город – процессия была настолько блистательной, что, по словам летописцев, «почти затмевала солнце Африки»¹⁹. Другие утверждают, что по пути император раздавал нищим горсти золотого песка. Но наиболее тщательно задокументирована та часть путешествия Мусы, когда его караван проходил через Каир, где он и его королевская свита провели три месяца, раздавая щедрые подарки султанам, эмирам и дипломатам. По всей видимости, за время пребывания в Каире Муса раздал и потратил так много золота, что в одиночку вызвал обвал курса национальной валюты, разрушив экономику всего Ближнего Востока на двенадцать ближайших лет²⁰.

Судя по всему, Муса, рассчитывая своей тщательно продуманной экспедицией привлечь внимание всего мира, достиг своей цели. Сирийский историк XIV века Шибаб аль-Умари, посетивший Каир через двенадцать лет после отъезда Мусы, свидетельствовал, что жители города все еще восторгались щедростью заезжего правителя²¹. Рассказы об этом экстравагантном кросс-континентальном путешествии продолжались еще долго после его смерти и в конце концов достигли Европы. В 1375 году империя Мали впервые появилась на карте: в Каталонском атласе Муса был изображен в золотой короне, с золотым скипетром и с гигантским золотым самородком в руках. Мировое турне Мусы принесло империи и другие выгоды. Король привез на родину целый сонм религиозных ученых и архитекторов, которые впоследствии превратят Тимбукту в выдающийся интеллектуальный и религиозный центр²². Но хотя хадж Мусы сделал его величайшей фигурой во всем арабском мире, сегодня в Западной Африке к этому правителю относятся совершенно иначе – все потому, что сопровождавшие его джели позаботились о том, чтобы потомки не забыли, как он направо и налево раздавал богатства империи.

– Неспроста существует эпос о Сундиате, но не существует эпоса о Мусе, – говорит Дауда Кейта, директор Национального музея Мали, офис которого находится в Бамако. – О нем многие знают, это правда, вот только он разбазарил богатство страны и отвернулся от местных анимистических традиций ради более популярного ислама.

¹⁶ (Mohamud 2019)

¹⁷ (Mille 2022)

¹⁸ (Hill 2009)

¹⁹ (Coleman de Graft-Johnson 2022)

²⁰ (Coleman de Graft-Johnson, Musa I of Mali 2022)

²¹ (Levtzion 1963)

²² (Morgan 2018)

Одним из тех, до кого дошли подвиги Мусы, оказался путешественник и исламский ученый Ибн Баттута. В 1325 году, в возрасте 21 года, этот юноша отправился в собственное паломничество из дома в Танжере (Марокко) в Мекку. По пути он остановился в Каире, где узнал, что всего два года назад здесь гостил король с таким количеством золота, которого жители города никогда и не видели ранее. Баттута завершил свой хадж и продолжил странствовать по миру. За следующие 29 лет он преодолел примерно 120 тысяч километров (почти в пять раз больше, чем Марко Поло), посетив почти все уголки мусульманского мира от Андалусии до Индонезии, и стал величайшим путешественником Средневековья²³.

По пути на него нападали разбойники, он едва не погиб в кораблекрушении и семь дней прятался в болоте, когда местные партизаны решили его казнить. При этом Баттута никогда не забывал то, что слышал об африканском короле, и, хотя он 25 лет добирался до этой далекой страны, приключение стало одним из величайших в жизни исследователя. В 1351 году Баттута отправился из города Фес (Марокко) в путешествие длиной в 2,4 тысячи километров через Сахару в страну, которую мало кто из иностранных путешественников когда-либо видел: империю Мали. На сегодняшний день его книга «Путешествия Ибн Баттуты» остается единственным сохранившимся рассказом очевидца об этом королевстве²⁴.

Перевалив через Атласские горы, Баттута добрался до небольшого оазисного городка, где провел четыре месяца, покупая верблюдов и ожидая отправки с большими североафриканскими торговыми караванами, идущими на юг через Сахару. Группа путешествовала ранним утром и поздним вечером, чтобы избежать палящего солнца, и в апреле 1352 года, преодолев 800 километров пустыни с одним-единственным оазисом по пути, пройдя по продуваемой всеми ветрами, «полной демонов» Сахаре, караван наконец вошел в таинственную Малийскую империю. В течение следующих восьми месяцев Баттута совершил множество путешествий по торговым путям Мали к югу от Сахары, посетил столицу и Тимбукту, встретился с губернаторами, судьями и самим королем. Во многих аспектах рассказ Баттуты об империи окрашен откровенным презрением к чернокожим африканцам; он требовал, чтобы человек его положения получил щедро оплаченный прием вместо обеда из толченого проса, меда и молока, который ему предложили вначале; он в целом осуждал тот факт, что многие жители Мали все еще придерживались традиционных религиозных верований, а не были полностью поглощены исламом – факт, который сохраняется на большей части территории бывшей империи и сегодня. По-видимому, его не образумило даже то, что, угостившись «баландой», Баттута проболел целых два месяца, а его попутчик вообще умер. Однако, несмотря на постоянное ворчание по поводу еды и малийских женщин, не закрывающих лицо в присутствии мужчин, Баттута был восхищен империей. Он рассказывал о «тонких египетских тканях», которые носили люди, о «непревзойденной красоте» женщин и об эгалитарном отношении к гендерной динамике, когда женщины могли иметь «друзей» и «компаньонов» среди мужчин, не являющихся членами их семей». Он также был поражен идеально налаженной безопасностью в империи, отметив, что «ни путешественнику, ни жителю можно не бояться ни вора, ни захватчика».

Одна из самых ярких встреч Баттуты произошла на фестивале, устроенном правителем империи мансой Сулейманом (младшим братом мансы Мусы, умершего пятнадцатью годами ранее)²⁵. Хотя Баттута не мог сказать ничего хорошего о «скупом короле», он был восхищен его джели по имени Койате. Он описывает джели как человека, играющего на инструменте «с помощью палочек, извлекающих дивные звуки», и добавляет: «Он стучит по инструменту, сделанному из тростника и маленьких тыкв [балафону], восхваляя султана, вспоминая в своей песне походы и деяния. Жены и наложницы поют вместе с ним... а также примерно 30 его

²³ (Hrbek 2023)

²⁴ (Dunn 2012)

²⁵ (Battuta 1929, 7e Travels of Ibn Battuta: Explorations of the Middle East, Asia, Africa, China and India from 1325 to 1354)

пажей... у каждого на перевязи висит барабан, и он бьет в него. Затем... [приходят акробаты и жонглеры мечами]»²⁶.

Рассказ Баттуты о Мали особенно интересен тем, что он дает возможность увидеть великую африканскую державу незадолго до начала трансатлантической работорговли. Сулейман умер через шесть лет после визита Баттуты, а неэффективные лидеры, сменявшие друг друга после его смерти, ввергли Мали в гражданскую войну, обанкротили государство и чрезмерно расширили империю. Примерно к 1450 году, отмечает Макдональд, Мали стала все больше подвергаться набегам и восстаниям со стороны сельских территорий, и совсем скоро формирующаяся соседняя империя Сонгай, которая в конечном итоге поглотит большую часть Мали, начала кромсать ее северные и восточные территории. Чтобы адаптироваться, империя обратила свой взор на запад, сосредоточив внимание на Атлантическом океане и португальских кораблях, которые все чаще стали подходить к ее берегам.

Благодаря подвигам Мусы рассказы о богатствах Мали дошли до европейских правителей, и к середине 1400-х годов португальцы стремились обойти переполненные торговые пути между Сахарой ради прямого доступа к тому, что позже назовут «Золотым берегом» Африки. Поскольку соперничающая империя Сонгай все активнее контролировала торговые пути Западной Африки с севера на юг, партнерство с этими странными белыми гостями открывало перед малийскими лидерами уникальные экономические возможности. Однако последствия оказались разрушительными. В 1456 году португальские исследователи достигли устья реки Гамбия и заключили соглашение с малийским губернатором об обмене шелка, оружия и лошадей на золото, слоновую кость и людей, положив начало крупномасштабной африканской работорговле²⁷. На рубеже XVI века, когда португальские и испанские исследователи Нового Света наполнили Европу награбленным золотом империй Южной и Центральной Америки, стоимость самого ценного малийского металла резко упала. Вскоре европейские корабли прибывали в Мали уже не за золотом, а за рабами для работы на колониальных плантациях.

И дальше империя Мали держалась большей частью на рабстве. Рабы с завоеванных Мали территорий работали в соляных и золотых шахтах, служили в армии, производили продовольственные товары, излишки которых укрепляли экономику, и отправлялись на север через Сахару к арабским правителям вместе с огромными запасами полезных ископаемых²⁸. Но, как отмечают ученые, система рабства в Мали была скорее похожа на крепостное право, которое в различных формах существовало и в средневековой Европе²⁹. Сегодня роль Малийской империи в трансатлантической работорговле остается весьма спорной темой, но масштабы, жестокость и долгосрочные последствия европейского рабства сомнений не вызывают: работорговля в Европе процветала в течение последующих 350 лет, и ее влияние оказалось страшнее всего, что происходило в Западной Африке. Однако еще более глубокое противоречие сформировалось вокруг наследия рабства в Мали, которое до последних десятилетий хранилось в тайне многими поколениями джели народа мандинка.

По словам Ва Камиссоко, главного джели Мали в 1970-х годах, одним из величайших достижений Сундиаты была отмена в империи работорговли. Однако Камиссоко утверждал, что через 20 лет после смерти Короля Льва рабство в Мали возобновилось. Это предательство указаний Сундиаты, видимо, стало таким страшным общенациональным позором, что джели сочли необходимым вычеркнуть реформы Сундиаты из анналов истории империи. По словам Камиссоко, на протяжении столетий балатигуи и другие высокопоставленные джели

²⁶ (Battuta 1929, 7e Travels of Ibn Battuta: Explorations of the Middle East, Asia, Africa, China and India from 1325 to 1354)

²⁷ (Ahmed n.d.). Считается, что португальцы совершали набеги за рабами в Африку еще в 1444 году, и это обычно рассматривается в контексте рабства, которое произошло в результате прямых переговоров с правителем Западной Африки, что послужило моделью для дальнейшей трансатлантической работорговли.

²⁸ (Thompson 1998, 7e Empire of Mali)

²⁹ (Niane 1984)

изучали истинную историю, но должны были поклясться никогда не разглашать ее публично. Лишь незадолго до своей смерти в 1976 году Камиссоко решил нарушить обет молчания и раскрыть прежде тайную историю королевства в вышедшей в 1973 году книге «Сундиата – слава Мали» (Soundjata la Gloire du Mali).

По мере того как усиливалась трансатлантическая работорговля, трудовые ресурсы Западной Африки истощались, и регион становился все более уязвимым для вторжений марокканских войск, которые в конце 1500-х – начале 1600-х годов фактически сравняли с землей то, что осталось от империй Сонгай и Мали. В то же время прекращение трансатлантической работорговли в 1800-х годах разрушительно повлияло на Западную Африку, так как подорвало зависящую от этого бизнеса экономику региона и открыло его для завоевания и колонизации. К началу XX века французы контролировали большую часть бывшей территории империи Мали. Французские колонии Западной Африки обрели независимость к 1960 году, но эксплуатация природных ресурсов и империалистическая монетарная политика Франции по-прежнему наносят ущерб региону. По сути, единственное, что можно сказать хорошего о французском владычестве, – это то, что в наши дни в любой точке Мали и Гвинеи вы с легкостью сможете купить свежий багет.

Тем не менее, несмотря на столетия войн и оккупации, в Мали сохранились два основных языковых наследия: свой язык (мандинка) и носители устного исторического знания (джели). Хотя, по словам доктора Нубии Каи, автора книги «Историография кума малинке: от Сундиаты Кейта до Самори Туре» (Kuma Malinke Historiography: Sundiata Keita to Almamy Samori Touré), джели всегда являлись больше чем просто рассказчиками: «В традиционную доколониальную эпоху гриоты были главными политическими советниками королей, вождей и других высокопоставленных правительственных чиновников. Они выступали посредниками в международных, национальных и местных спорах. Они служили послами и дипломатами в соседних странах. Они были главными советниками по судебным делам и национальной обороне. Они также проводили обряды посвящения, инициации, бракосочетания, церемонии наречения, похороны, национальные инаугурации, праздники урожая, религиозные фестивали, спортивные состязания и другие мероприятия национального значения. Они вели переговоры о браке и приданом между семьями жениха и невесты. Они были передовыми историками, архивистами, специалистами по генеалогии, социальными и культурными антропологами, педагогами, музыкантами и драматическими артистами»³⁰.

Сегодня роль джели практически не изменилась. Может, малийских королей больше и нет, но политики и президенты из племени манде полагаются на своих джели, выступающих в роли советников и миротворцев.

– Наша задача заключается в том, чтобы помогать людям принимать решения: и при взаимодействии друг с другом, и при конфликтах с самими собой, – говорит двоюродный брат Баллы Алие Диабате, который служил джели у бывшего президента Мали Ибрагима Бубакара Кейта. Гостиная Алие в Бамако заполнена фотографиями, на которых он пожимает руки западноафриканским лидерам, а рядом в рамке висит сертификат, подтверждающий рыцарское звание, полученное от Национального ордена Мали.

Во многих семьях манде до сих пор есть джели, который знает их родословную и участвует в самых личных, почти интимных, делах. Как сказал мне Ибрагима Диабате, джели из города Кела, расположенного в 100 километрах к югу от Бамако, «джели [семьи] остается с человеком на всю жизнь. Когда рождается ребенок, с ним рядом находится джели. В нашей культуре имам шепчет новорожденному на ухо имя, которое выбрала семья, чтобы он первым узнал, кто он такой, но именно джели объявляет это имя всем остальным. Когда человек хочет жениться, именно джели идет в другую семью, чтобы представиться, подарить орехи кола, объ-

³⁰ (Kai 2015)

яснить намерения и рассказать историю этого человека. На свадьбе джели тоже присутствует. Если в браке возникают проблемы, джели помогает их разрешить. А когда человек умирает, джели хоронит его и рассказывает о жизни, которую он прожил. Мы делаем этого человека вечным».

Как объяснил Балла, существует несколько типов джели. Один из них – «верховные» советники и хранители, такие как Койате, которые исторически служили королевским особам. Есть и, условно, «местные» джели, которые хранят историю конкретных городов и деревень, откуда они родом, – как, например, Ибрагима. Когда-то единственными джели были Койате, но с течением веков эта социальная каста музыкантов расширилась, включив в себя другие семьи, такие как Диабате и Сиссоко. И хотя чаще всего джели играют на балафоне, он далеко не единственный их инструмент. Наберите в гугле «музыка гриотов», и помимо выступлений с балафоном вы найдете переложения древних эпосов, народные песни и современный афропоп. Вы увидите записи, на которых мужчины играют на джембе (барабан, по форме напоминающий бокал), нгони (инструмент, похожий на лютню, который, как считается, стал прототипом банджо) и коре (21-струнная арфа, издающая одни из самых чарующих звуков в мире). Женщины – например Каниба, сестра Баллы, – также могут стать джели, обычно они специализируются на песнопениях на исторические темы. В наши дни джели – это, по сути, поп-звезды и дивы малийской музыки, а если вы заглянете в любое кафе или клуб в Бамако, где фоном крутят музыкальные клипы, то заметите, что многие из артистов носят фамилию Койате.

Макдональд отмечает, что западные ученые обычно с подозрением относятся к достоверности устных рассказов джели, однако вклад этих людей в раскрытие тайн Малийской империи огромен. В период с 2005 по 2013 год Макдональд и малийский историк Сейду Камара опросили более семидесяти деревенских старейшин и джели в южно-центральной части Сегу в Мали. Профессия привела их в Соротомо, руины крупного поселения, которое, по слухам, долгое время было важным оплотом политической и военной силы именно благодаря долгой памяти джели. На этом месте никогда не проводились раскопки, и в результате собственных археологических изысканий команда обнаружила один из крупнейших древних центров в Западной Африке: процветающий город площадью в 72 гектара, существовавший примерно с XIII по XV век, превосходящий масштабами столицу империи Ниани. Находка заставила экспертов задуматься, действительно ли Соротомо и окружающий его регион Сегу были сердцем королевства³¹.

– В каком-то смысле устная история и археология – очень хорошие партнеры, потому что археология может определить географические границы и датировать поселения, а устная история предоставляет возможную версию событий, – говорит Макдональд. – Гриоты – это переговорщики и певцы, которые выступают не только перед королевскими особами, но и перед жителями небольших общин. Они сформировали сознание целой цивилизации.

Действительно, именно Койате написал национальный гимн Мали. Позывной «Радио Мали» – припев из «Эпоса о Сундиате», который впервые исполнил Фассеке Койате. А истории, пересказанные поколениями Койате, послужили источником вдохновения для малийских фильмов и сериалов. Именно такое наследие с рождения окружало Баллу. Кейта из Национального музея Мали сказал: «Мы – общество устных традиций. Только джели знают нашу историю целиком, а Койате – подлинные джели. Они хранят коллективную память нашего народа. Если мы потеряем их, мы потеряем историю нашей культуры».



³¹ (K. MacDonald 2011)

По странному совпадению Балла, как и Сундиата, первые семь лет своей жизни по неизвестной причине не мог ходить. Он, младший из одиннадцати детей, провел детство между родовым гнездом в Ньягасоле и ближайшим городом, Бамако. В глинобитном доме не было ни электричества, ни водопровода, и семейство Койате, как и многие другие семьи в современных Мали и Гвинее, готовило еду на уличном очаге, а по ночам освещало свое скромное жилище масляными свечами. В шесть лет отец дал Балле два молоточка и сообщил, что сын готов.

– В то время меня не водили в больницы и не показывали докторам, так что никаких диагнозов у меня не было, – рассказывает Балла, удобно устроившись в своей гостиной в Медфорде и лихо заломив на бок неизменную шляпу. – Но главное преимущество балафона в том, что на нем можно играть сидя, так что меня все устраивало.

В итоге Балла научился ходить, но в свободное время, когда не лазил по манговым деревьям и не гонял ящериц, все равно предпочитал сидеть на коленях возле балафона, когда играли его отец и братья. Сперва он запомнил базовые гармонии, потом взялся за изучение «Эпоса о Сундиате», который со всеми вариациями и бесконечными подробностями опытные джели могут рассказывать несколько дней подряд. Отец Баллы был джели всей Западной Африки, основы игры на балафоне он передал всем сыновьям, но Балла увлекся сильнее остальных: «Я смотрел на папу и братьев, и говорил себе, что ни за что не отступлюсь, пока не научусь всему, что умеют они. Если мне в руки попадала кассета с любой записью игры на балафоне, я слушал ее дни напролет, отвлекаясь только на еду».

Балла также рассказал, что джели не только запоминают все эти сказания и играют музыку; они также обязаны уметь самостоятельно смастерить тот инструмент, который считается традиционным для их семьи:

– Когда отец возвращался из поездок, он или ремонтировал свой балафон, или делал новый. Я научился у него – и вырезать, и собирать, и настраивать. Этот, например, сделан из бамбука. Клавиши чаще всего изготавливаются из розового дерева – собираешь в лесу, сушишь на солнце. У Соссо-Бала элементы связаны кожей антилопы, а у нас [балафоны, на которых играли в семье] – чаще лентами из козлиной шкуры. В США такое не прокатит, так что здесь я беру нейлоновые шнуры, – смеется Балла, показывая мне многочисленные балафоны, которыми заполнены шкафы в его квартире.

Отец Баллы надеялся, что по его стопам пойдет хотя бы один из сыновей, но поскольку всех тянуло к пению и прочим инструментам, Балла только сильнее влюблялся в балафон.

– Я хотел быть таким, как папа. Он не учился в школе. Не умел писать и читать. Но он был великодушным человеком, и люди так его любили, что даже носили за ним балафон между выступлениями. Мне не хотелось, чтобы моя семья загубила эту традицию, – рассказывает он.

В двенадцать лет Балла бросил школу и принялся выступать для фермеров за пределами Ньягассолы. Ему помогала мама: он был таким маленьким, что ей приходилось усаживать его на большой камень, и пока она пела и играла на кариньяне (металлическая трубка, которая звучит как коровий колокольчик), Балла часами исполнял исторические эпосы, а мужчины, собравшись в группы по 25 человек, возделывали поля под ритмичные напевы.

– Хозяин фермы платил нам по мешку риса, кукурузы или арахиса в день, – говорит Балла. – И если мы выступали так два-три месяца подряд, то на год обеспечивали семью едой, так что мы решили ходить по всей Гвинее и Мали.

В тринадцать лет Балла отправился к границе Мали и Гвинеи, чтобы заняться работой, которая настолько укоренилась в культуре мандинка, что по значимости переплюнула даже балафон:

– Я работал в шахтах, махал киркой и добывал золото, – говорит он. – Ненавистное занятие. Каждую неделю прилетал самолет из Франции и забирал все добытое.

Во время посевной и сбора урожая он возвращался на поля, чтобы вместе с матерью играть для фермеров. Когда поползли слухи о его талантливой игре на балафоне, его стали при-

глашать на детские праздники, церемонии совершеннолетия и свадьбы от Бамако до Ньягасолы. Благодаря растущей популярности сестры Балла смог уйти из шахт уже в восемнадцать лет, чтобы сопровождать Канибу в гастрольных поездках по Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуару, Сенегалу и Республике Конго. Вскоре музыканты по всей Западной Африке стали приглашать его на запись, и к 26 годам Балла стал одним из самых востребованных сессионных исполнителей в той части континента. Но Балла хотел не просто поддерживать других артистов, он мечтал заниматься своим делом. Так, в 1999 году, через год после того, как его отец стал хранителем балафона Соссо, Балла сделал со старинным инструментом нечто неслыханное: он начал играть на двух инструментах одновременно.

– С одним балафоном у вас семь нот. А два я настраиваю так, что могу сделать двенадцать с половиной плюс четвертные. С помощью этой [полной хроматической шкалы] я могу играть любую музыку мира – и традиционную музыку джели, и ту, для которой балафон вообще не предназначен.

Я никогда раньше не слышал балафона, тем более двух сразу, поэтому перед нашей поездкой я отправился в Квинс, чтобы увидеть выступление Баллы. Инструмент звучит богаче, чем маримба, а полые тыквы-резонаторы под планками-клавишами усиливают каждую древесную ноту. В течение первого часа Балла играл традиционную музыку джели. Когда какая-то малийская женщина из зала пронзительным вибрато радостно распевала фрагменты эпосов, Балла аккомпанировал ей в качающемся синкопированном ритме. Позже вышла американская блюз-группа и пригласила Баллу на сцену: он вышел со своим двойным балафоном, с каждым звуком раскрывая все более глубокий диапазон человеческих эмоций, переходя на импровизированные соло и выпевая всю боль и тоску старинным инструментом, с помощью которого его семья прославляла величие истории. Естественно, такое отклонение от традиций было встречено неоднозначно, особенно близкими Баллы:

– Мой отец решил, что я сошел с ума. В нашей культуре никто никогда не играл на двух балафонах. Он считал, что это не по правилам. Но когда я все ему объяснил, он меня понял. Я сказал: «Папа, я не просто хочу сохранить эту традицию, я мечтаю показать ее всему миру».

А всего год спустя Балла последовал за своей сестрой и сел на самолет до Америки.

Однажды, когда Балла еще работал в магазине в Олбани, ему позвонил друг детства, музыкант, играющий на инструменте под названием кора. Музыкант теперь жил в Сомервилле, штат Массачусетс, и играл по воскресеньям в местном баре с ближневосточной стилистикой. Он пригласил своего старого товарища выступить вместе, и Балла купил билет на рейсовый автобус до Бостона. В конце выступления к балафонисту подошла американка и доброжелательно ему улыбнулась. Она родилась и выросла в Массачусетсе, но прекрасно говорила по-французски, так как училась в Париже. Она даже провела некоторое время в Мали, изучая африканские танцы.

– Так я познакомился со своей женой, – вспоминает Балла, разглядывая фотографии Крис, расставленные по гостиной: на одних она изображена с вьющимися каштановыми волосами, спадающими на плечи, а на более поздних – в шапочке после химиотерапии. В тот вечер Балла заработал 30 долларов, которых не хватило даже на обратный автобус, но тому другу, который играл на коре, он пообещал вернуться в следующее воскресенье. Балла хотел увидеть ее. – Изначально я не собирался заводить девушку или жениться, мне хотелось найти друга, – улыбается Балла. – Здесь не так много людей, знающих мою культуру.

Вскоре Балла и исполнитель на коре подружились с другим музыкантом из Гамбии и выступления стали регулярными. Балла покинул Олбани, переехал в студию в Гарлеме и начал посещать джазовые клубы.

– Я говорил, что играю на балафоне, а меня спрашивали: что это? Я отвечал, что это ксилофон на букву «б», и мы начинали джемовать. Мне нравилось! – вспоминает Балла.

Он также начал выступать на западноафриканских церемониях наречения и свадьбах от Нью-Йорка до Новой Англии, и таким образом мог встречаться с Крис лично, а не только говорить с ней по телефону. Шло время, Балла понял, что его чувства к американской подруге стали глубже, и в 2005 году они поженились и переехали в Бостон.

– Есть такое слово джелля, – продолжает Балла, – это когда мужчина и женщина вместе. Мужчина обычно играет и рассказывает историю, а женщина поет. Что-то вроде взаимодополнения, взаимообмена, – говорит Балла. – Она была моей джели мусса, что означает «моя женщина-джели, моя ровня».

Два года спустя музыкант из группы Баллы был номинирован на премию «Грэмми» за их совместный альбом, что подтолкнуло Баллу к записи собственного альбома «Sababu». Его успех и последующие гастролы привели к сотрудничеству с такими артистами, как Йо-Йо Ма (который пригласил его присоединиться к своей группе Silkroad Ensemble), банджо-виртуоз Бела Флек (чья семья по-прежнему близка с Баллой) и гитарист Бен Харпер (который расплакался, впервые услышав игру Баллы, и сказал, что она цепляет что-то глубинное, задевает его африканские корни). Хотя Крис так и не довелось услышать второй альбом Баллы, вдохновителем которого она стала, Балла уверен, что он ей понравился бы – не меньше, чем его родина, которую она увидела во время единственной поездки семьи в Западную Африку.

– Говорю вам, там все совсем иначе, – сказал мне Балла, выглядывая в окно на викторианские дома Медфорда в декабрьские два градуса выше нуля. – Вот увидите.



Я проснулся ровно в семь утра от резкого и пронзительного крика барана, которого резали буквально в нескольких метрах от моего спального места на полу. Четырьмя часами ранее мы приземлились в аэропорту Бамако; там нас встретили таблички с надписью «Вас приветствует Мали, земля золота», потом на Баллу и его двоих детей набросилась толпа родственников и друзей, а затем на пяти машинах нас в темноте повезли к новому дому Баллы. Он был настолько новым, что Балла даже ни разу не переступал его порог. В течение последних нескольких лет он потихоньку откладывал деньги на строительство поместья, где могли бы жить его 90-летняя мать и две сестры, а также он сам и его семья, приезжая погостить. Когда мы отпирали черные ворота, ведущие в элегантный бело-красный дом, я заметил, как один из двоюродных братьев Баллы тащит на веревке во двор одинокого барана. После бессонного тридцатичасового перелета из Нью-Йорка в Мали через Стамбул я даже на секунду задумался, к чему бы это, но вскоре плюхнулся на матрас по другую сторону стены, где было привязано животное.

Через несколько часов после того, как при мне обезглавили барана, Балла постучал в мою дверь и позвал кое на что посмотреть. Мы вышли во двор, и там на земле, в луже крови, в жаре за плюс 30, лежала баранья голова. Балла объяснил, что в его культуре при переезде в новый дом принято на счастье приносить в жертву животное.

– Позже будет большая вечеринка, – сказал он, когда к поместью стали собираться женщины в расписных платьях бубу, неся на головах гигантские миски риса со свежей бараниной. – Но сначала я хочу показать вам хранилище, названное в честь моего прямого предка Баллы Фассеке.

Я забрался на заднее сиденье автомобиля, где уже сидели его шестнадцатилетний сын Секу и пятнадцатилетняя дочь Джоссире – имена детям дали в честь родителей Баллы. Едва Секу научился сидеть, Балла усадил его рядом с крошечным балафоном и дал ему два молоточка, нежно направляя маленькие ручонки к нужным нотам. Когда Джоссире была совсем маленькой, Крис взялась учить ее основам малийского танца. Дети сопровождали отца в поезд-

ках из Новой Англии в Нью-Йорк и, пока он выступал, спали в пустом кофре от балафона. Когда они подросли, Балла стал брать их с собой на сцену: Секу играл на балафоне ритм-партию, сестра танцевала, а Балла импровизировал. Но вне музыкального наследия их семьи, базового понимания французского колониального языка Мали, а также безупречной западноафриканской вежливости и щедрости, дети выглядят как обычные американские подростки. Оба слушают трэп-музыку и смотрят TikTok, играют в школьных футбольных командах и любят видеоигры, подрабатывают после уроков, и после четырех часов сна и смены часовых поясов меньше всего им хочется, чтобы отец вытаскивал их из кроватей.

– Вам обязательно нужно увидеть это место, – сказал Балла детям, оборачиваясь с переднего сиденья.

– Мы выросли в дороге и засыпали в футляре от балафона, так что можем спать где угодно, – пробормотала Джоссира, положив голову на плечо Секу.

Мы выехали из поместья по пыльной дороге, поднимая облако красного песка, из которого фактически построен Бамако. Машина виляла, объезжая свободно гуляющих быков и детей, гоняющих рваные футбольные мячи среди приземистых шлакоблочных домов. Бамако больше похож на деревню-переросток, чем на столицу, – город выглядит как слепленный из сухой паприки замок с населением 2,7 миллиона человек. Когда нет дождя, здесь очень жарко, а когда жарко (как всегда в сухой сезон с ноября по май), жизнь выбирается прямо на улицы, которые служат кухнями, гостинными, свалками, игровыми площадками и пастбищами для животных. Запах горящих дров и угольных грилей, в которых коптится рыба и тушится мясо, переходит в густой смог дизельного топлива, ощутимый при приближении к немногочисленным асфальтированным улицам города. На них – хаотичный поток мотороллеров, управляемых мужчинами, к спинам которых прижимаются женщины с примотанными к их спинам младенцами, делит бездорожье с детьми, скачущими на белых лошадях. Вдоль дорог стоят деревянные лавки с соломенными и жестяными крышами, и в этих лавках продается все – от арбузов до сумок и шин. Мы проехали по французскому мосту от двух минаретов Большой мечети к реке Нигер – жизненно важной артерии засушливой страны, не имеющей выхода к морю, – где рыбаки перегружали нильских окуней в деревянные каноэ. Вскоре мы поднялись на холм к белому дворцу малийского президента и вошли в Консерваторию искусств Баллы Фассеке Койате. Директор школы, доктор Бурбайма Фофана, уже ждал нас. Наш караван из четырех машин прибыл в окруженный пальмами кампус. Директор сперва поприветствовал Баллу и его детей, а затем проводил нас в большую, отделанную дубовыми панелями комнату. Фофана объяснил, что школа ставит перед собой сразу две цели: дать возможность самым перспективным молодым малийским балафонистам, исполнителям на коре, джембе и нгони отточить свое мастерство, а также почтить наследие первого и самого известного в мире джели.

– На африканском континенте 54 государства, из них шестнадцать сохраняют традицию джели, – сказал он. – Даже в наши дни в любом месте Африки люди знают о Сундиате Кейта, а уж упоминая Сундиату, обязательно придется упомянуть и Баллу Фассеке. Мы не хотим забывать историю, но в последнее время эта история отходит на задний план. У нас теперь телевидение, радио. Люди черпают вдохновение из других мест, и эта особая культура понемногу угасает. Поэтому в 2004 году президент основал эту консерваторию и дал ей имя в честь Фассеке. Мы не хотим, чтобы традиция умерла.

Поскольку при этом разговоре присутствовала вся обширная семья Баллы, я попросил доктора Фофана рассказать, чем именно семья Койате так важна для народностей манде в современных реалиях. Он немного подумал и ответил:

– Задача джели – создавать мир между людьми и хранить нашу историю. Вознося хвалу Койате, мы помним, что они отличаются от остальных джели, их род напрямую связан с Сундиатой. Тут вот какое дело: мусульмане верят, что пророк Мухаммед был посланником Божьим. Христиане верят, что Иисус был посланником Божьим. Мы верим, что Койате – посланники

Сундиаты, правителя, который остановил насилие и объединил всех нас. Без Койате сообщества манде вообще бы не было.

К тому времени, когда наш импровизированный караван вернулся в поместье Баллы, там уже собралась вся округа. Меня приветствовала целая толпа улыбчивых школьников в футболках, проехавших в составе гуманитарных миссий не меньше, чем я проехал до Бамако. Надписи на футболках гласили «Юные спортсмены Брайтона», «Школа Чинцзин, Пекин – 2011», «Баскетбольный лагерь «Рома Мини» – 2004». Я оставил обувь у двери, и братья Баллы, Фантамади и Диангине – кстати, они исполнили гитарную и вокальную партии на последнем альбоме Баллы, – повели меня на крышу, где уже стояли огромные миски, наполненные зааме, малийским вариантом джолофа, – смесью из риса, баклажанов, чеснока, помидоров и той самой жертвенной баранины. Мальчик в футболке с пекинской надписью передал каждому из нас квадратный пакет с водой. Мужчины разгрызали край пакетика, из него текла вода, и они таким образом мыли руки. Я сделал то же самое. Фантамади любезно предложил мне ложку, но выделяться сильнее, чем я и без того выделялся, мне не хотелось, так что я сел на корточки, как четверо мужчин рядом, и по примеру остальных закатал рукава. В Мали, как и во многих других странах, принято есть руками. Но, например, если в Индии и Юго-Восточной Азии еду в рот закладывают большим пальцем, то в Мали блюда скатывают кончиками пальцев в шарики, к тому же представители разных полов едят из разных мисок. За все время поездки я попробовал разные блюда – от жареного цыпленка диабаджи с луком до острого набулу с соусом из арахиса и листьев баобаба – и ни одно из них в точности не повторялось. Неизменным оставалось только одно: родственники Баллы все время настаивали, чтобы я попробовал блюдо первым, подталкивая самые сочные куски мяса к моему краю миски до тех пор, пока я не перекладывал их обратно к хозяевам – так проявляется бесконечная щедрость и гостеприимство в стране, которая до сих пор пытается выйти за рамки натурального хозяйства.

Когда мы дружно прикончили последнюю миску зааме, в дом вошли два имама в куфиях и туниках до колена. Они сели на ковер в гостиной и 30 минут читали Коран, чтобы благословить новый дом семьи Койате и умиловить Пророка. А потом настало время веселиться. Имамы ушли, зато появились несколько племянников Баллы с балафонами над головой. Снаружи дома двое его двоюродных братьев принялись отбивать гипнотический ритм на барабанах нтаман, висящих на ремнях через плечо. Еще несколько братьев и племянников принесли гитары из дома через дорогу и начали наигрывать пронзительные мелодии и ритмичные пентатоники³², которые скорее пристало бы слушать на крыльце своего дома в дельте Миссисипи. Получился эдакий импровизированный фестиваль семьи Койате; я бродил от музыкантов к музыкантам, пока не вернулся в гостиную Баллы, куда меня привели звуки балафона – двое подростков играли мелодию, под которую неудержимо тянуло танцевать. Только я вошел – на меня подняла взгляд 90-летняя мать Баллы. Остальные женщины собрались в круг, синхронно хлопая в ладоши, и она медленно встала с дивана, игриво указала на меня, качнула подолом цветастого платья бубу, приложила руку ко лбу и возглавила семейный «танец Койате» – женщины этого рода исполняли его уже несколько сотен лет под аккомпанемент играющих на балафоне мужчин. Она качала головой из стороны в сторону, взмахивала платьем и вращалась по часовой стрелке, а ритм все усложнялся и усложнялся. Вскоре каждая из двадцати женщин в комнате, включая двухлетнюю прапраправнучку, была на ногах – пять поколений женщин одной семьи шагали, изгибались и кружились с такой радостью, как будто улыбались всем телом. Для Койате это был вечер воссоединения, а для меня – напоминанием, почему я так заинтересовался культурой и историей Мали еще несколько лет назад.

³² Пентатоническая гамма (пентатоника) – музыкальная гамма, состоящая из пяти нот. В отличие от мажорной гаммы, которая включает семь нот, в пентатонике из натуральной гаммы убирают две ступени.

Мали – одна из величайших музыкальных колыбелей мира. Ее мелодии очаровывали иностранцев еще с тех пор, как Баттута впервые увидел выступление Койате. Спустя столетия рабы-малийцы принесли свою особую мелодику и манеру пения, построенную как вопрос-ответ, на хлопковые поля американского Юга. А поскольку они не только пели, но и сами изготавливали простые щипковые и ударные струнные инструменты вроде кора и нгони, многие музыковеды объявили Мали родиной блюза³³. На самом деле, если послушать малийских эстрадных суперзвезд, таких как покойный Али Фарка Туре, чьи задумчивые и проникновенный гитарные риффы, рожденные буквально от сохи, принесли ему славу «африканского Джона Ли Хукера», разницу между малийским фолком и южноамериканским блюзом заметить довольно сложно. Однако Туре в свое время сказал знаменитую фразу: «Эта музыка родом отсюда [из Мали]. Я играю традиционную музыку и понятия не имею, что такое блюз»³⁴. Афроамериканцы берут эту мелодику, видоизменяют и перекомпоновывают, получая на выходе джаз, рок-н-ролл, фанк и хип-хоп. Но поскольку в свое время джели были единственной социальной стратой, которой в империи Мали – и на ее территориях после падения – позволялось музицировать, можно предположить, что именно они и завезли в Новый Свет многое из африканских традиций в период работорговли. Это наследие имеет исключительную важность: их память и передаваемые из поколения в поколение эпосы не только стали основой для воссоздания истории Мали, принесенная ими музыка сформировала также и костяк большей части западной музыкальной традиции. Я помню, что сказал Балла: «Наша роль, роль джели, всегда заключалась в том, чтобы рассказывать, говорить о событиях в обществе. Потому рэп, блюз или кантри – это как бы повествования американских джели».

Сегодня отголоски этого богатого музыкального наследия доносятся в Бамако отовсюду. На следующий день после обеда мы с Баллой снова сели в машину, миновали группы детей, слушающих малийский афропоп из карманных радиоприемников, проскочили мимо продавцов, торгующих фруктами по обе стороны улицы, и въехали в пыльный квартал, где жили Фантамади и Диангине, от шлакоблочных стен которого ровным барабанным перестуком доносились звуки молотилок проса в руках женщин, сидящих под манговым деревом. Мы планировали отправиться всей большой семьей в Ньягассолу, легендарную родину Соссо-Бала, но желательно не на пустой желудок. К моему удивлению, отрезанная баранья голова, которая еще вчера медленно разлагалась на жаре и кишела мухами, теперь стала основой густого супа. Койате сидели на корточках вокруг черепа, отламывали кусочки багета и смотрели на меня, показывали жестами, что извилистые, паутинистые вены, выпирающие из бараньих глазниц, – это самое вкусное. Я присел рядом с семьей и закрыл глаза, выскребая мякотью багета липкую полость. Позже от этого блюда Секу и Джоссире стало плохо. Мне же каким-то образом удалось его переварить.

³³ (Baldauf 2010), (Denselow 2006)

³⁴ (Denselow, Obituary: Ali Farka Toure 2006)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.